

Брайан Олдисс

СУПЕРИГРУШЕК ХВАТАЕТ НА ВСЕ ЛЕТО

Рассказы, которые легли в основу сценария «Искусственного разума» Стивена Спилберга!

АЗБУКА-КЛАССИКА
ФАНТАСТИКА

Три вида одиночества
Брайан Олдисс

Брайан Олдисс. Три вида одиночества

Брайан Олдисс
Три вида одиночества

1. Счастье наоборот

Судья Борегард Пич был занят сочинением письма своей бывшей жене Гертруде. Гертруда успешно делала карьеру на ниве юриспруденции, она была адвокатом. Однако после нескольких крупных ссор с мужем, забрав с собой их взрослую дочь Катерину, Гертруда перебралась в Южную Францию.

Здесь ее навещал некий человек из Оксфорда, с которым Гертруда когда-то была знакома, — преуспевающий журналист. Она каталась с ним на яхте, бывала в ресторанах, напивалась в стельку и получала нежеланные письма от Борегарда.

Борегард отнюдь не умолял ее вернуться. Его мысли были заняты более сложными делами. Он писал:

Моя дражайшая Гертруда.

Как жаль, что тебя нет сейчас со мной в Оксфорде, потому что дело, слушанием которого я занимаюсь, наверняка заинтересовало бы тебя.

Оно может оказаться действительно очень важным.

Мы заседаем в Королевском суде Оксфорда. Дело носит столь необычный характер, что зал

суда всегда полон. Приставам с трудом удается утихомирить публику, толпящуюся у входа в здание в ранние утренние часы. Присутствуют на судебных заседаниях и представители прессы, причем не только из «Оксфорд мейл», как можно было бы предположить, но также из нескольких лондонских газет.

Уличное движение от Магдален-Бридж и до железнодорожного вокзала регулярно замирает, хотя «ничего необычного в том нет», как заметил один будущий остряк. К сожалению, жена судьи отправилась отдыхать, в то время как ее супруг тщится ответить на такой вопрос: «Что делать с человеком, не являющимся закоренелым преступником, одним из представителей оксфордской плеяды эксцентриков, не желающих никому вреда, который открыл новую, едва ли не топорную разновидность пропорции воспроизводства, угрожающую человечеству?»

Случай этот не имеет прецедентов. Я считаю для себя великим счастьем, что мне досталось его рассмотрение. Наверное, в этом одно из преимуществ жизни в Оксфорде. У меня такое чувство, словно мы перенеслись в прошлое столетие и присутствуем при обсуждении проблем эволюции под предводительством епископа Уил-

берфорса.

Окружающий мир перенаселен, и нашей естественной среде обитания уже нанесен внушительный экологический ущерб. Передо мной сейчас находится тот, кто в значительной, еще большей степени нанес подобный ущерб.

Что касается внешности, то обвиняемый Дональд Модсли выглядит вполне заурядно. Бородка, крючковатый нос, светлые волосы, собранные сзади в короткий конский хвост.

Среднего роста или даже чуть ниже. Меланхолик, не лишенный некоторой интеллигентности. Человек старого ориельского типа.

У него привычка вести повествование, говоря о себе в третьем лице, что сначала меня несколько раздражало. ЗаМодслитем я понял, что это типичный пример расщепленного сознания.

Его застенографированные признания выглядят следующим образом:

«После получения диплома человечек по имени Дональд Модсли занялся естественными науками. Он принял участие в работе Бразильской конференции, после чего исчез на бескрайних просторах Южной Америки. Суть его истории такова.

Человечек этот поселился на краю неизве-

данного тропического леса, протянувшегося до самых берегов южной части Тихого океана. Сияло солнце, дули ветра, дожди начинались и прекращались. День сменялся новым днем, складываясь в годы. Никто не знал, где находится Дональд Модсли. Он не имел никакого общения с внешним миром. Ни разу ни один самолет не пролетел в небе над его головой. Эта точка земного шара оказалась идеальным местом, чтобы пережить кризис самоидентификации.

Маленький человечек коллекционировал разрозненные закаты. Каждый вечер он сметал их со всех сторон в одно место и помещал в огромную золотую клетку, стоявшую в чаще леса.

Хотя Модсли часто напевал для собственного удовольствия, главным образом народную песню о белом медведе, он по-прежнему оставался одинок. Модсли редко встречал какое-нибудь живое существо, за исключением крабов, выносимых прибоем на берег. Иногда над его головой пролетала белая птица, альбатрос. То, что Модсли постоянно видел вокруг себя, лишь усиливало его чувство одиночества. Одиночество так часто пронзало все его существо, что стало его неотъемлемой частью.

Однажды утром Модсли срубил в лесу дерево.

Из обрубка его он вырезал говорящую куклу, которой дал имя Бен. Модсли наделил Бена иллюзией жизни, потому что сильно нуждался в обществе живого существа.

Человек и кукла стали вести долгие разговоры, сидя на пеньке поваленного дерева. В основном они обсуждали вопросы морали и то, есть ли в ней необходимость. Модсли отличали строгие моральные принципы, которые служили ориентиром для всей его жизни. Еще в Ориеле он встретил симпатичную и интеллигентную женщину, дочь одного из иностранных монархов, и полюбил ее. Однако когда она попыталась убедить его заняться с ней любовью, Модсли отказался и перестал с ней встречаться. На его отказ женщина отреагировала вспышкой гнева и потоком брани.

Затем Модсли стал учиться в семинарии Черных братьев и собирался принять постриг, однако в какой-то момент понял, что не может довести свое намерение до конца. Впав в отчаяние, он почувствовал, что именно мораль заставляет его сторониться общества других людей.

Деревянная кукла иногда приходила в сильное возбуждение от обсуждаемой темы, заявляя, что мораль — всего лишь неудача, возникающая в человеческих взаимоотношениях. Для существа,

вырезанного из дерева, кукла была удивительно красноречива. Она даже бегала в волнении по берегу, такова была сила убеждения. Однако ее доводы так ни к чему и не приводили, как никуда не приводил и бескрайний берег океана».

Гертруда, сегодня вечером я приглашен на званый ужин, и мне нужно переодеться. Мой скаут находится здесь же. Я тебе скоро снова напишу и расскажу о том, какие разговоры Модсли вел со своей деревянной куклой.

Любящий тебя.

Гертруда растрогалась прочитанным и написала Борегарду ответное письмо:

Дело, которым ты сейчас занимаешься, кажется мне немного похожим на наше собственное прошлое. Этот Модсли, должно быть, мучительно хотел найти любовь в лишенной любви и Бога вселенной. И все же, если судить по тому, о чем ты мне написал, он способен обрести ее лишь в обществе существа, вырезанного из дерева. Ты, наверное, помнишь древний миф о том, как Ипполит отверг любовь своей мачехи Федры, и в конечном итоге и он, и она погибли.

Это должно пробудить в тебе давние воспоминания и заставить снова взглянуть на причины наших нынешних трудностей. Я бы хотела узнать больше об этом судебном процессе.

Гертруда.

Судья ответил своей бывшей жене следующее:

Дело продолжается. Сегодня четвертый день слушаний.

Модсли утверждает, что его отношение к Бену, деревянной кукле, как к независимому существу было вызвано усилившимся сходством куклы с живым созданием. Он построил для Бена небольшую хижину рядом со своим домом, на скале, нависшей над берегом океана. Когда он жарил рыбу и крабов, то всегда передавал порцию соседу, который забирал ее с собой, чтобы «съесть» в уединении.

Модсли утверждает, что вскоре они стали обсуждать темы более личного характера. У куклы не было прошлого, о котором можно было бы говорить, хотя она пылко отстаивала необходимость как воздержания от мясной пищи, так и вертикального роста, сопровождающегося появлением листьев и плодов. Для нее это было чем-то вроде религии.

Когда человек пытался высказать свои воз-

ражения, кукла уверяла его, что вынашивание растительного плода было для нее моральным оправданием существования ввиду ее полной асексуальности. Ананас представляется ей символом морали, истинной морали. В один прекрасный день состоялся следующий разговор. Модсли сказал:

— Ты не можешь утверждать, что бесполое размножение является более высокой формой, чем размножение половое. Мы — живые существа разных видов, тебе приходится использовать те способы, какими тебя наделил Господь для увеличения численности особей твоего рода. Отстаивать иную точку зрения — по-детски наивно.

— Но я в душе ребенок, — ответила кукла, ударив себя в грудь.

— У тебя нет ни сердца, ни души.

Кукла смерила его каким-то странным взглядом.

— Что тебе известно о моей жизни? В отличие от тебя я возник непосредственно из недр Земли. Я подавляю свои чувства, потому что появился из дерева. Деревья, судя по моему скудному жизненному опыту, чрезвычайно бесстрастны. Я остаюсь таким независимым, я веду себя так

скучно и вяло. Я страстно хочу иметь сердце. Но тогда... — это было сказано после некоторого раздумья, — тебе не кажется, что сердце — вечный источник печали?

Модсли задумчиво смотрел на гладь океана, отличавшуюся некой пустотой вечности.

— М-м-м... Действительно, что-то навевает мне грусть. Что-то, не поддающееся точному определению. Но я всегда считал, что виной тому ход времени, а не мое сердце.

Кукла ответила пренебрежительным смешком.

— Время никуда не уходит. Это всего лишь миф, сотворенный людьми. Время со всех сторон окружает нас, обволакивает, как желе. Проходит лишь человеческая жизнь.

— Но я пытаюсь сказать... я действительно не знаю, что на самом деле вызывает у меня грусть.

— Тогда ты, наверное, плохо знаешь самого себя! — заявила кукла. — У меня ничто не вызывает грусть, за исключением, пожалуй, щепки в моей заднице. — Кукла сделала пару шагов по берегу, заложив руки за спину. Не оборачиваясь к человеку, она сказала: — Нет, мне никогда не бывает грустно. И никогда не было, даже в мою

бытность юным деревцем. Я могу представить себе, что такое грусть, это что-то вроде пригоршни опилок. Мне становится тревожно, когда ты говоришь, что тебе грустно. Ты знаешь, что кажешься мне божеством? Я места себе не нахожу, когда вижу, что ты чем-то опечален.

Человек печально усмехнулся.

— Вот потому-то я стараюсь не говорить тебе о горе и тоске, поселившихся в моем сердце.

Кукла вернулась к нему и села рядом, опершись подбородком о сложенные на коленях руки.

— Мне не хотелось расстраивать тебя. Это действительно не мое дело.

— Как знать, может быть, и твое.

Затем оба погрузились в молчание. Над бескрайней гладью океана восходило солнце, отыскавшее в своей палитре изумительной красоты оттенки золота.

Первой молчание нарушила кукла:

— Так что это такое — «грусть»? То есть я хочу знать, как часто ты бываешь грустным?

— Грустным? Понимаешь, печаль — это счастье наоборот. Нам, людям, приходится мириться с этим. Быть человеком — нелегкий труд.

— И так у вас всегда? Значит, поэтому тебе кажется, что ты должен собирать потрепанные

закаты?

У Модсли, видимо, вызвало раздражение то, что какая-то кукла донимает его вопросами.

— Уходи, прошу тебя! Оставь меня в покое. Довольно! Ты задаешь бессмысленные вопросы!

— Но с чего им быть бессмысленными? В конце концов, мои вопросы — это твои вопросы.

— Почему ты так решил?

— Я всего лишь твое эхо, возникающее после того, как все сказано и сделано, — ответила кукла.

Человек никогда еще не размышлял именно таким образом. Он понял, что, возможно, всю свою жизнь слышал лишь собственное эхо и что его мораль, которой он так гордился, была лишь отказом на просьбы других людей впустить их в его жизнь.

Он оставил куклу на берегу, а сам отправился посмотреть, как поживает его закат. Когда Модсли притащил поблекшие цвета к клетке, стоявшей в чаще тропического леса, то увидел, что остальные закаты потемнели от времени подобно старым газетам или давно снятым с домов флагам.

Получив это письмо, Гертруда пришла в ярость. Она была убеждена в том, что дело Модсли — плод воображения ее мужа. Гертруда позвонила

Борегарду в Оксфорд и оставила для него сообщение на автоответчике, приказав больше никогда ничего не сообщать ей об этом деле.

Однако судья отправил ей еще одно письмо, оправдавшись тем, что ему показалось, будто Гертруде хочется узнать о том, как все закончилось.

На следующее утро, когда Модсли гулял вдоль кромки воды, к песчаному берегу причалила моторная лодка. Из нее выпрыгнула женщина. На ней был белый хлопчатобумажный костюм. На поясном ремне — кобура с пистолетом. Хотя ее отличала спортивная осанка, Модсли разглядел, что незнакомка давно уже не юного возраста. Морщинистая шея. Пигментные пятна на руках. Однако улыбка у нее была приятная, светлые волосы хорошо покрашены, скрывая седину.

— Наконец-то я вас нашла, — сообщила она. — Я из чилийского Лесного комитета. Я приехала сюда, чтобы спасти вас.

Модсли очень удивился и застенчиво спросил, не ее ли он когда-то любил, а затем отверг в далекие ориельские дни.

— Жизнь не столь проста, как кажется, — рассмеялась незнакомка. — К тому же я была в Уэдхеме. Прыгайте в лодку!

Модсли подумал о деревянной кукле и своем

хранилище использованных закатов. Затем все-таки прыгнул в лодку.

Там и состоялось его свержение с престола.

— Леди и джентльмены, — сказал я, — из-за невнимательности этого человека кукольный народ теперь исчисляется многими тысячами особей. Первая кукла размножилась бесполым путем, и способ этот продолжили ее потомки. Они теперь уничтожают тропические леса — вырубают их для создания собственных тел, — и эта часть земного шара затемнена угасающими закатами. Наиболее подходящим наказанием за содеянное мне представляется пожизненное заключение.

На этом сегодняшнее письмо к тебе, моя дорогая Герти, я заканчиваю. Я, разумеется, скучаю по тебе. Иначе не стал бы тратить время на сочинение всяких сказок. Надеюсь, вы с Катериной испытываете райское блаженство, наслаждаясь морем, и скоро решите вернуться обратно в Оксфорд. Юбилей празднуется через десять дней. Было бы неплохо, если бы вы находились рядом со мной. В этом году мероприятие состоится во «Всех душах».

Вы — надежда и вдохновение моей жизни. Я боготворю вашу красоту и очарование ваших душ. Возвращайтесь скорее!

Любящий вас Бо.

2. Наивный художник

Артур Сканнерсман купил особняк в горах прямо над Антибом. Он также снимал дом в Санта-Барбаре. Еще он обзавелся яхтой в Ницце, и эта яхта так ни разу не вышла из бухты в море. Сканнерсман устраивал шикарные вечеринки в Лондоне, Париже и Нью-Йорке. Он пожертвовал университету Оксфорда два миллиона долларов на устройство нового института искусств, который должны были возвести на месте Рэдклиффской больницы. Свой гардероб он обновлял каждый день.

Артур Сканнерсман был повсюду. Нет такого места, где не мелькало бы его лицо. Подруг у него было великое множество. С каждой из них Сканнерсман обращался хорошо, но как-то небрежно. Его нисколько не интересовал их внутренний мир. Ходили слухи, что иногда он спал между очередной своей пассией и ее сыном. Душок скандала лишь подогревал к нему всеобщий интерес.

Артур Сканнерсман был художником века. Он

прославился еще в стенах Оксфорда. Его картины и рисунки продавались за огромные деньги. Его работы для кино и балетных постановок оплачивались чрезвычайно щедро. Темы его творений были самыми разнообразными. Казалось, нет ничего такого, что было бы неподвластно его кисти. Имя Сканнерсмана было у всех на устах.

Его друзья замечали, что иногда Сканнерсман исчезал сразу на несколько недель, не давая о себе знать. После долгого отсутствия Артур возвращался с новыми работами — набросками, макетами, портретами… По возвращении в общество он обычно устраивал вечеринку. На ней появлялись все, кто имел удовольствие принадлежать к кругу друзей и знакомых знаменитого художника. Сам Артур обожал на таких вечеринках петь. Иногда он импровизировал — пел песни, которые рождались прямо в момент исполнения. Присутствующие приходили в восторг и умиление. Музыкальные номера таких мероприятий записывались, а затем выпускались на дисках. Раскупались они просто молниеносно. Каким же чародеем от искусства он был!

Разумеется, Сканнерсман был человеком разносторонним. Поразительно разнообразны формы искусства, которыми он очаровывал весь мир.

Блистающий, роскошный, богатый мир, очарованный и плененный Сканнерсманом. Все, что связано с его именем, имело небывалый успех без каких-либо существенных усилий с его стороны.

Так было до момента, пока один влиятельный критик не раскритиковал разносторонность Сканнерсмана, назвав ее беспочвенной, безродной, не имеющей национальных корней. После этого Артур бесследно исчез. Репортеры всего мира клятвенно пообещали отыскать его, однако слова своего так и не сдержали.

Им и в голову не приходило обратить свои взоры на крошечный норвежский городок в двадцати милях к югу от Осло. Местечко это называлось Дикстад. Дом, который Сканнерсман купил там, был самым обычным домом, расположенным на обычной улице напротив здания почты.

В доме Сканнерсмана жила также и домоправительница, ее звали Беа Бьёрклунд. Беа была типичной норвежской крестьянкой. Она никогда в жизни не слышала об Артуре Сканнерсмане, зато прекрасно разбиралась в ловле макрели.

Беа имела самую заурядную внешность, отличалась спокойствием и склонностью к полноте. Свои светлые волосы она заплетала в косы и укла-

дывала в корону, напоминавшую декоративные колосья, которыми украшают каравай хлеба. У нее были хорошие здоровые зубы и голубые глаза. Беа обстирывала Сканнерсмана, готовила ему пищу и убирала в комнатах, а через два месяца уступила его просьбе, распустила косы и легла с ним в постель.

Беа настояла на том, чтобы они занялись любовью в миссионерской позе. Она быстро и спокойно достигла оргазма. Они стали жить строгой, размеренной и ничем не примечательной жизнью. Оксфорд никогда не всплывал в их разговорах. Сканнерсман ничего не делал. Иногда он отправлялся на прогулку, однако от дома сильно не удалялся, доходил лишь до старого каменного моста и тут же возвращался обратно. Он не принимал наркотиков и не пил, как раньше, хотя Беа иногда и уговаривала его вечером, перед тем как отправиться в постель, пропустить вместе с ней рюмку аквавита — норвежской картофельной водки.

Время от времени они отправлялись на ее стареньком «форде» к морю, где ловили макрель в водах глубокого и неспокойного Северного моря. Беа показала Артуру, как правильно забрасывать удочку. Вскоре и он научился ловить макрель,

однако с уловом домоправительницы сравняться так и не смог.

Он ничего не рисовал. В Дикстаде не было красок.

Когда наступило Рождество, Артур отправился в большой городской универмаг, расположенный рядом с домом, и купил Беа кружевное французское белье. Беа отправилась в тот же городской универмаг и купила Сканнерсману деревянную коробку с масляными красками и набором кистей.

Он с удивлением открыл ее.

— Почему ты решила купить мне это?

Беа улыбнулась, отчего на щеках ее появились симпатичные ямочки.

— Я подумала, что тебе, наверное, захочется заняться рисованием в свободное время. Как-то раз я видела по телевизору одного художника, и он был очень похож на тебя. Говорили, будто он очень известный.

— А что теперь о нем говорят?

— Может, и ты станешь таким же известным, как он, если, конечно, постараешься. Ты ведь научился ловить макрель. — Беа рассмеялась, обнажив в улыбке свои красивые зубы и здоровые десны.

Артур поцеловал ее и попросил примерить кружевное белье, он с удовольствием полюбуется обновкой.

На двенадцатый день Рождества он решил взяться за краски и кисть. В качестве натуры Артура особенно заинтересовал один угол довольно тесной гостиной его нынешнего дома. Там находилась полка с несколькими книгами, прислоненными к массивной керамической вазе, старое кресло фиолетовой расцветки с лежащей на нем красной подушечкой и маленькое окно, выходившее на крошечный огородик возле дома, где выращивалась в основном капуста. Артур неторопливо приступил к рисованию. Прикосновение кисти к холсту казалось ему непривычным, он отвык от этого занятия. Беа молча, без каких-либо комментариев наблюдала за его работой.

Не оборачиваясь, он через плечо спросил ее, повторив свой прежний вопрос:

— Что надоумило тебя купить мне краски?

Она улыбнулась и ответила:

— Соседи считают, что это грешно, когда люди живут вместе и не вступают в брак. Поэтому я сделала из тебя художника. С художником все можно. Чего ожидать от людей искусства? Такое у нас не осуждают.

Артур встал и поцеловал ее в сочные алые губы. Когда он закончил работу, — Беа отнеслась к его творению скептически.

— Красиво. Но не совсем похоже на настоящие вещи.

— А зачем рисовать так, чтобы получалось точное сходство с настоящими вещами?

На следующий день он нарисовал тот же угол комнаты. Беа восприняла картину с прежней долей скептицизма.

Сканнерсман удивился. Он раз за разом рисовал все тот же угол гостиной, но так и не смог всецело угодить ей.

Когда он завершил свой сотый по счету холст, Беа нежно поцеловала его, предположив, что Артур отказался от дальнейших попыток нарисовать комнату так, как надо.

— Тебе никогда не удастся…

Но Артур Сканнерсман почувствовал, что начинает входить во вкус.

3. Говорящие кубики

Война следовала за войной. Начато гражданской войны сопровождалось разрушительной жестокостью. Моя вторая родина лежала в руинах. Погибли многие сотни тысяч людей. Было

разрушено огромное количество красивых зданий, с землей сровняли даже жалкие лачуги бедняков. Целые города превратились в обломки камня и груды щебня. Люди лишились крыши над головой. Жить приходилось под навесами из пленки, а воду кипятить на костре, сложенном из дров, вернее, кучек хвороста. Люди умирали во сне, и причиной смерти были стресс, болезни или ранения.

Я вернулся в эти края в составе подразделения миротворческих сил в качестве официального представителя Оксфэма. Молодость моя осталась в прошлом. Страна, которую я когда-то любил и где был влюблен в одну женщину, сильно состарилась. Да и с чего бы ей молодеть? С чего бы местным жителям помолодеть рассудком? С чего бы Северу и Югу снова не начать жить в прежней гармонии? Вражеские мины по-прежнему таились в земле в ожидании жертв — крестьян или случайных прохожих, — которым они при их неосторожном прикосновении оторвут ноги. Вражеские машины все еще катили по пустым улицам разрушенных городов. Эти механические монстры оставались все такими же неумолимыми в своем запрограммированном зле и были готовы поразить лазерными лучами все, что дви-

жется с любого направления, будь то север или юг. Я предложил руководству свои услуги по их поиску и демонтажу.

Одним прекрасным октябрьским днем, в выходные, мне довелось принять участие в мультиэтнической мирной конференции, проходившей в бывшей столице. Превосходный международный отель, совершенно новый, был построен в районе города, практически не пострадавшем в ходе военных действий. В нем удалось создать нечто такое, что мы называем «нормальностью» в нашем, западном понимании нормы. Наше понимание включает в себя ванну, душ, пищу, вкушать которую мы садимся за стол. Пищу, за которую мы расплачиваемся пластиковыми кредитными карточками.

В первый же мой вечер в отеле я увидел в баре женщину, которая когда-то училась вместе со мной в университете. Позднее мы встретились с ней в столице одного иностранного государства. Это случилось еще до того, как раскол в моей стране вылился в гражданскую войну.

Женщину звали Сушла Клейн. В баре она находилась в обществе какого-то коренастого мужчины с бритой головой.

Я почувствовал, что сердце мое готово вырвать-

ся из груди, и замер на месте. Сушла сидела за столом, глядя на своего спутника. Тот стоял спиной ко мне, широко расправив мощные плечи. Стену позади них украшало панорамное изображение стоящих и летящих аистов на черном фоне. Мне в голову пришла мысль о том, как сильно все изменилось — не только обстоятельства, присущие некогда процветающей стране, не только мои личные жизненные обстоятельства, но также, вне всякого сомнения, и обстоятельства Сушлы. Какой бы суровой ни оказалась моя жизнь после того, как мы расстались, ее жизнь была по меньшей мере такой же суровой, жизнь женщины, которой самой судьбой была уготована размеренная спокойная жизнь ученого. Нечто неуловимое в облике спутника Сушлы подсказало мне, что особых вариантов выбора в ее судьбе не было.

Я так и стоял, не зная, что же делать — уйти или остаться. Одновременно и радость, и боль охватили меня при встрече со старой любовью.

Коренастый спутник Сушлы сел, по-прежнему оставаясь спиной ко мне. Когда она поднимала на него глаза, я видел ее лицо анфас и в меньшей степени в профиль.

Я отметил про себя, что Сушла заметно поста-

рела, как, впрочем, и я. Она была родом с Юга, тогда как я с Севера. Тем не менее мы получали огромное удовольствие от нашего любовного романа. То есть мы предавались любви до тех пор, пока необходимость держать нашу связь в тайне не разлучила нас. Это был странный, запутанный клубок страха, триумфа, восхищения и голой, животной похоти. Мы оба были горды тем, что каждый из нас выбрал себе возлюбленного из числа представителей враждебной расы. Но тогда был мир, своего рода мир, и надежда на будущее, своего рода надежда. Когда наши взгляды встретились, на меня волной нахлынули воспоминания о тех днях. Сушла извинилась перед своим спутником и с радостным видом направилась ко мне. Бритоголовый незнакомец пристально наблюдал за нами.

— Сушла, прошло столько лет…

— Разве это не вчера было?

Мы сели за столик в углу и стали медленно пить пиво. Мы вели себя совсем как чужие люди и с трудом подыскивали нужные слова.

— Хотя мы встретились совершенно случайно, — сказала Сушла, — как оказалось, я лучше подготовлена к встрече с тобой.

Я с удивлением смотрел на нее. В ее волосах

серебрились нити седых волос. Сушла достала из сумочки небольшой прозрачный кубик с ребром не более десяти сантиметров. Затем отодвинула пепельницу в сторону и поставила кубик на стол, прямо между нами. Глядя то прямо на меня, то на кубик, она сказала:

— У меня завтра свободный день. Я недавно бродила по старинным улицам древнего городского квартала. Я вспомнила, как мы гуляли там вместе с тобой. Я тогда очень любила этот город. Он мне казался полным энергии. Многое в нем исчезло безвозвратно. Затем он стал столицей вражеского государства, северной державы. Ты куда-то пропал. Как же все было по-другому в дни нашей учебы в университете, верно? Все было, разумеется, гораздо лучше.

— Намного лучше, чем теперь, Сушла. — Она положила на стол руку. Я накрыл ее своей рукой.

— Это кубик — когда-то они назывались голокубиками — я нашла в антикварном магазинчике на той улице, точнее, в первом от нее переулке налево. Я купила его, потому что какое-то время назад обнаружила точно такой в одном магазинчике там, на Юге. Просто для синхронности… Теперь у меня пара таких кубиков. Чудо, что в этом хаосе сохранились две одинаковые вещицы.

Обе в исправном состоянии. На следующей неделе я возьму их собой в Оксфорд.

— Ты возвращаешься в Оксфорд?

— Моя дочь работает в музее Эшмола, в издательском отделе. Ты, похоже, не знал, что у меня есть дочь. — Сушла улыбнулась, слегка прищурившись. — Не от тебя, разумеется. — Я почувствовал легкий укол ревности. — Второй кубик остался в моей комнате, тот самый, который я отыскала первым. Хочу, чтобы ты посмотрел, как они работают. Мы сможем там их включить. Я не имею в виду ничего такого, приглашая тебя в мою комнату. Слишком поздно для чего-то такого. Любовь иссякла в нас. По крайней мере во мне. В то же самое время я не могу забыть о том, что совсем недавно ты был моим врагом или, во всяком случае, одним из них. А также о зверствах, которые ваши творили с нами.

— Не мои. Моих у меня больше нет.

— Нет есть. Это видно по тебе. Англия. Оксфорд.

— Ах вот ты о чем! Нет, я занимаюсь минами. — Я объяснил ей род моих нынешних занятий. — Эти мины закладывались обеими сторонами. Хотя сейчас наступил мир, мины продолжают взрываться и калечить людей.

— Застарелая злоба, — печально улыбнулась Сушла. Она бросила взгляд на мужчину, с которым пришла в бар, наверное, ее мужа, и увидела, что он раздраженно затушил в пепельнице окурок и через стеклянную дверь вышел из отеля.

Я проводил Сушлу до ее номера. Я очень устал и был рад возможности поболтать с кем-нибудь и прежде всего с ней. На дверце стенного шкафа висел светлый мужской костюм. На прикроватном столике я заметил бритвенный прибор. Постельное белье на кровати лежало в полном беспорядке.

Сушла позвонила в комнату обслуживания и заказала кофе. Кофе без кофеина.

Я не подходил к ней близко. Я больше не хотел ее, хотел лишь нашего прошлого, нашего общего прошлого, когда наши постели постоянно пребывали в таком же беспорядке.

Я смутно помнил былое повальное увлечение голокубиками. Ими увлекались многие влюбленные. Стоило привести такой кубик в действие, как внутри возникало изображение головы, совсем как настоящее. Голова говорила, улыбалась, иногда плакала. Иллюзия достигалась просто: голографическое изображение наносилось на сжатый сердечник из германиевого сплава. При

пропускании через него электрического тока изображение оживало, приводя в действие крошечные динамики, расположенные в нижней части кубика. Если у другого человека был такой же голокубик, его можно было настроить таким образом, что в нем появлялись две головы, общающиеся друг с другом.

Сушла включила одну из таких вещиц. В кубике возникла голова женщины с волосами цвета воронова крыла, с короткой стрижкой. Алые губы, дерзкий вздернутый носик. Женщина оставалась неподвижной, как будто вмерзшей в кусок искусственного льда.

Когда включился второй кубик, я увидел голову молодого мужчины — скуластого, веселого и самоуверенного. Из-под клеенчатой кепки торчали пряди белокурых вьющихся волос. Эта голова также оставалась неподвижной.

Я узнал юного себя и юную Сушлу. Мне стало не по себе. Сушла придвинула кубики ближе, повернув обе головы лицом друг к другу.

Изображения заговорили.

Юная женщина поначалу немного запиналась, но затем с ее губ стали слетать нескончаемые признания в любви.

— …не могу выразить словами, как я люблю

тебя. В моем родном краю, возле моего дома журчит родничок со свежей чистой водой. Моя любовь к тебе подобна этому роднику — всегда чистая, всегда возрождающаяся заново. Я никогда не испытывала ни к кому таких чувств, какие испытываю к тебе. Любимый, я знаю, что всегда, всегда буду любить тебя и скучать без тебя.

Изображение мужчины приобрело более резкие очертания. Расслышать его слова оказалось легче, чем слова Сушлы.

— Настали трудные времена. Ситуация ухудшается с каждым днем. Наши политики, видимо, ослепли или сошли с ума. Прошлой ночью этот дом обстреляли. Хочу сказать тебе, что очень люблю тебя, но встретиться с тобой сейчас не имею никакой возможности. Хочу, чтобы ты знала, что я постоянно думаю о тебе.

Голос смолк. Женщина заговорила снова:

— Прошлой ночью я сжимала тебя в объятиях. Всю ночь я обнимала тебя. Как это было прекрасно! Ты же знаешь, что я всецело принадлежу тебе, я твоя, вся, без остатка. Я выпиваю всего тебя, как сухая земля выпивает капли летнего дождя. Всегда оставайся моим, любимый, и прими наилучшие мои пожелания. С днем рождения тебя!

Мужчина ласково улыбнулся. Говорил он по-ан-

глийски с идеальным оксфордским выговором:

— Клятвы, которыми мы обменялись два года назад, остаются в силе. Просто сейчас я никак не могу получить пропуск для поездки на Юг. Мне до смерти надоела сложившаяся в мире обстановка. Вообще-то я должен кое в чем признаться тебе. Я уезжаю из своей страны, которую неожиданно охватили бесконечные споры. Хочу отправиться за границу, пока не стало слишком поздно…

Снова заговорила женщина:

— Спасибо тебе, любимый, за то, что пообещал прийти завтра. Ты можешь остаться в комнате моей двоюродной сестры, пока она отсутствует. Дверь будет открыта. Я вся трепещу при мысли о скорой встрече с тобой. Приди скорее, любимый, на мое ложе, приди скорее в мои объятия. Завтра мы с тобой снова будем вместе.

— Ужасно, что все сложилось таким образом, — заговорил мужчина. — Разве мы когда-нибудь могли думать о таком? И все же между нами всегда существовала разница. Вы у себя на Юге всегда жили, скажем так, менее прогрессивно, чем мы на Севере. Тебе нужно было приехать к нам, когда я приглашал тебя. Я ни в чем не обвиняю тебя. Нужно было предвидеть, что разразится гражданская война. Так что прощай, любимая Сушла!

— Я буду ждать тебя, — произнесло изображение Сушлы. — Никакое облачко не сможет затуманить мою любовь к тебе. Клянусь тебе… не могу выразить словами, как я люблю тебя. В моем родном краю, возле моего дома журчит родничок со свежей чистой водой. Моя любовь к тебе подобна этому роднику — всегда чистая, всегда возрождающаяся заново. Я никогда…

Сушла отключила оба кубика.

— Они повторяют те же самые слова. Повторяют снова и снова уверения в своей любви.

Чувствуя, как слезы начинают щипать мне глаза, я через силу выдавил:

— Конечно, его голокубик был записан через несколько месяцев после того, как она записала свой. Когда начался весь этот кошмар…

Она спрятала лицо в ладонях.

— Мы знали, что эти двое на самом деле не разговаривают, эти наши призрачные подобия. Это так грустно…

Голос прервался рыданием.

— Сушла, я помню, как записывал этот кубик, — сказал я, исполненный вины и раскаяния. — Расставание далось мне так же мучительно больно, как и тебе…

Я обнял ее за плечо, но Сушла осторожно вы-

свободилась.

— Знаю, — призналась она, сердито взглянув на меня. В ее глазах стояли слезы.

— В том, что с нами случилось, нет ничего удивительного. Это в порядке вещей. — Я сжал ее руку и повторил: — В порядке вещей.

— Как же я ненавижу то, что в порядке вещей! — не то всхлипнула, не то усмехнулась она.

Когда я попытался поцеловать ее в губы, Сушла отвела голову в сторону. Я не оставил попытку, и тогда наши губы встретились, как бывало когда-то. Только на сей раз поцелуй стал не прелюдией, а финалом.

Я спустился вниз пешком — лифты в гостинице не работали, — думая о том, что война закончена. Так же, как и моя оставшаяся в прошлом юность. Я не стал ждать, когда принесут кофе. А Сушла осталась в своей комнате со старыми кубиками, старыми мирами, старыми эмоциями.